

ВОЙНА — Цѣна отд. № 15 коп.
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 37

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1914
11 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

Ре-ми 14

АЗАРТНАЯ ИГРА.

Францъ-Госифъ: — Ну, теперь ты сдавай, Вилли, — твоя очередь.

Послѣ пораженія на западѣ нѣмцы спѣшно перебрасываютъ свои войска на восточный театръ войны.

— Французъ: — твоя очередь!!!

ПРОСТЫЯ ДУШИ.

Зулусы обратились къ англійскому правительству съ предложеніемъ вступить въ англійскую армію на театрѣ военныхъ дѣйствій. Англійское правительство отказалось.

Изъ газетъ.

— Вамъ чего?
 — Да такъ... Повоевать хотца.
 — А зачѣмъ?
 — Да весело у васъ тамъ... Которые стариковъ рѣжутъ, которые книги тамъ, да картины жгутъ...
 — А вы-то тамъ что будете дѣлать?
 — Мы-то? Мы зулусы. Народъ, такъ сказать, рабочій. Дѣло намъ найдется.
 — Куда же васъ опредѣлить?
 — Да вотъ, которые тамъ книги...
 — Это нѣмцы, а мы англичане.
 — Намъ-съ безразлично. Намъ чтобы которые тамъ стариковъ...
 — Вамъ ихъ и бить придется.
 — Скажите, какая неожиданность! — задумались зулусы, — а за что ихъ бить?
 — Да мы же вамъ говоримъ, — они вотъ стариковъ рѣжутъ...
 — Это правильно. Старика рѣзать не годится. Бѣлый старикъ — онъ вкусный. Его солью сначала, а потомъ и къ столу подавать...
 — Фу, чортъ... Вамъ не объяснишь... Я же вамъ говорю — картины жгутъ...
 — А что съ ними дѣлать? Картину не съѣшь, не выпьешь... Одно только и удовольствіе, что сжечь...
 — Не подходите. Обратитесь къ нѣмцамъ.
 — Намъ что. Мы ничего собственно. Прощенья просимъ.
 — Прощайте, зулусы.

Обиженные зулусы пошли къ германскому генеральному штабу.

— Идіоты эти бѣлые, — совѣщались они между собой, — войну въ толкъ взять не могутъ. Прогнали зулусовъ... Какъ собакъ прогнали...

— Знаете что, братцы, — сказала одинъ матерый зулусъ, — одни прогнали, а этихъ обходомъ возьмемъ... Наверемъ имъ съ три короба, — можетъ, и возьмутъ...

По обычаю своей страны, зулусы ударили его четыре раза по головѣ и согласились.

— Къ вашей милости...
 — Вамъ чего собственно? — хмуро спросилъ нѣмецкій генераль, — вы не шпионы?
 — Рады стараться. Именно. На войну хотимъ.
 — А чего же вы хотите?
 — Такъ что сестрами милосердія, извините. Городъ тамъ взять или перерѣзать кого.
 — А у васъ, зулусы, подъемъ есть? А драться вы умѣете?

Зулусы хитро переглянулись, и матерый зулусъ выступилъ впередъ.

— Это мы — драться? Да развѣ мы можемъ?! Да что вы?! Да мы пальцемъ никого не тронемъ...

— Такъ, такъ... А разрывными пулями стрѣлять умѣете?

— Мы? Разрывными? Стрѣлять? Да никогда въ жизни. У насъ и пуль-то нѣтъ, — видимость одна. Въ ружье, кто что можетъ, по достатку, кидаемъ: кто пуговицу жилетную, кто сахару кусокъ, а кто и прямо вату пигроскопическую — чтобы сама рану перевязывала.

— А что вы съ ранеными дѣлаете?

— Съ ранеными? Мы? Лучшіе друзья, можно сказать. Хлѣбомъ насъ не корми, только раненыхъ дай. У насъ и пословица есть: раненый — лучший другъ дома.

— Странно... Ну, а если вы, напримѣръ, городъ какой-нибудь встрѣтите... Библиотеки тамъ... Картины...

— Библиотеки? Картины? Мы-то?.. Костями ляжемъ за эти самыя картины... Да намъ если библиотеку дать — такъ и не уйдемъ. Ученье свѣтъ, неученье... Сами понимаете.

— Гм... Ну, а — старика встрѣтите... чужого?

— Старика? Встрѣтимъ? Мы-то? Да намъ старикъ — во какъ нуженъ. Все отдадимъ. У насъ старики одно утѣшеніе въ жизни.

— А ребята?

— Маленькіе? Пухлые такіе? Которые подъ зубами хрустятъ? Сочные... Любимъ дѣтей. Сильно любимъ. Нѣмецкій генераль окончательно нахмурился.

— Вы что, — правда, что ли, — зулусы?

— Намъ что... Какъ правда — такъ и говоримъ.

— Не зулусы вы, а идіоты. Прощайте.

— Прощенья просимъ. За безпокойство извините.

— Ладно тамъ. Проваливайте.

* * *

Матерый зулусъ теръ переносицу и конфузливо молчалъ.

— Отшили, братцы.

— Отшили.

— Дикій народъ. Сами не знаютъ, чего хотятъ. Этого рѣжь, этого не рѣжь. Одному то нравится, другому это.

Зулусскій приватъ-доцентъ вытащилъ изъ-подъ сѣдла какую-то цитату на кокосовой скорлупѣ и хотѣлъ прочесть.

— Нечего тамъ, — возмутились зулусы, — иди къ этимъ, читай... Прямо хотъ нейтралитетъ объяви, такое положеніе...

— А что такое нейтралитетъ, дяденьки? — робко спросилъ неопытный молодой зулусенокъ.

Приватъ-доцентъ поймае его за ухо и отвелъ въ сторону.

— Нейтралитетъ? Тебѣ объяснить? Это такое, когда у кого оружія нѣтъ, а другой къ нему на шею садится.

— А зачѣмъ это такъ... нехорошо?

— Зачѣмъ? — обидѣлся приватъ-доцентъ, — тебѣ знать нужно? Это ужъ ты поиди у нѣмцевъ спроси... А когда узнаешь, приди ко мнѣ — я тебѣ по мордѣ дамъ, чтобы не лѣзъ съ вопросами...

Арк. Буховъ.

СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ.

1.

Шпіонъ.

Блокнотъ съ помятой кокурою
И карта. Видно сквозь очки,
Какъ торопливою рукою
На ней разставлены значки...
Опухли ноги... остро... потно...
Карманъ съ револьверомъ отвисъ,
И тяжело и неохотно
Сползаетъ ежеминутно внизъ...
И снова зорко вдаль ползти
Къ привалу пьяненькихъ уродцевъ,
Оставивъ сзади слѣдъ пути
Съ водой отравленныхъ колодцевъ...
Вонъ: вѣдь, простой казачій постъ,
А будто башни бастіона
Попался, приговоръ, вѣдь, простъ
И такъ понятенъ для шпіона...
Пусть смерть шпіона не страшитъ —
Упасть, дымясь обломкомъ тѣла,
Но передъ нимъ всегда стоитъ
Кошмаръ позорнаго разстрѣла!..

2.

Плѣнные.

Осенній день... Вдоль сѣраго перрона
Жандармовъ нить, манто и котелки...
На запасномъ пути, три зябнущихъ вагона
Полны осенней плачущей тоски...
Вдали, въ клубахъ расплывчатаго дыма
Ужъ очертился хриплый силуэтъ...
— «Назадъ!.. Подайся!..» И ужъ чертятъ мимо.
Вагоновъ гулкій быстролетный слѣдъ...
Выводятъ... Обезцвѣченныя лица,
И въ каждомъ есть притупленный укоръ,
И кажется, что только небылица
Могла ихъ двинуть на сплошной позоръ...
И въ сердцѣ теплится ужъ откликъ состраданья,
Ужъ не коробятъ мѣрные шаги,
И тутъ характерно для русскаго сознанья
Родится мысль, что «эти»... не враги!..

3.

Въ полевомъ лазаретѣ.

У скомканной койки пугливья тѣни,
Пугливья тѣни тревожныхъ примѣтъ...
У входа скрипятъ непрерывно ступени,
А справа и слѣва загадочный бредъ...
Лампа коситъ немигающій свѣтъ...
На скомканной койкѣ помятое тѣло,
Повязка скрываетъ прострѣленный глазъ,
И, кажется, будто лицо посинѣло,
И полно гримасъ...
Поднялся... бормочетъ пугливо и глухо.
Зоветь ли, клянеть ли кого?..
У лампы жужжитъ монотонная муха...
— «Причастите его!..».

Сергій Михѣевъ.

ВТОРОЙ ЛУВЕНЬ.

Начинающій поэтъ вбѣгаетъ въ полицейскій участокъ и взволнованно обращается къ околоточному:

— Господинъ околоточный... Редакторъ Шишмаревъ — нѣмецъ. Честное слово.

— Почему вы думаете?

— Да я ему далъ старую драгоцѣнную рукопись, а онъ ее уничтожилъ.

ПАМЯТИ НЕСТЕРОВА.

Есть высшій смыслъ въ освобожденны
Отъ предрѣшеннаго конца
И въ этомъ жертвенномъ паденьи
На смерть вспарившаго бойца.

Пусть, поломавъ стальныя крылья,
Погибли оба летуна, —
Надъ вѣщимъ прахомъ ихъ безсилья
Живая истина ясна.

У одного былъ ястребиный,
Жестокій, медленный расчетъ,
А у другого лебединый,
Свѣтло-восторженный полетъ.

И если смерть ихъ поравняла,
То не равняетъ ихъ поэтъ:
У пѣсни вѣчное начало
И для поэта смерти нѣтъ.

Все такъ же царственно спокоенъ
Просторъ безмѣрно-голубой,
Крылатый былъ его достоинъ
И увѣнчалъ своей судьбой.

А. Рославлевъ.

ВОЕННОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ.

Глядя на свои войска, затопленные бельгійскими инженерами, Вильгельмъ, восторженно вскричалъ:

— Слава богамъ! Теперь у меня есть не только подводный флотъ, но и подводная армія!!

ТОВАРИЩИ.

Докторъ Дубровинъ: — Ну, что, Вильгельмъ?.. Плохи наши дѣла?

Вильгельмъ: — А развѣ нѣмцы бьютъ русскихъ?

Дубровинъ: — Нѣтъ, я говорю: наши дѣла плохи... Русскіе нѣмцевъ бьютъ.

Докторъ Дубровинъ въ „Русск. Знамени“ горячо заступається за Вильгельма II и восхищается имъ.

ЖУТЬ.

Надъ рѣкою мѣсяць алый —
Словно серпъ войны,
Отчеканенный безумьемъ
Орденъ сатаны.

А въ рѣкѣ зловѣще гнутся
Ржавые клинки,
Копьеносной темной ратью
Стали тростники,

Что-то шепчуть, что-то знаютъ,
Чутко сторожатъ.
Не ходи дорогой этой,
Не ходи! Назадъ!..

Въ бору сурово, грузно
Шевелится мгла —
Кочки хмураго болота —
Мертвыя тѣла.

А по краю, надъ обрывомъ,
Гдѣ рѣдѣетъ тьма,
Не туманъ бѣлесый вьется,
Ходитъ смерть сама.

А. Рославлевъ.

КРОЙКА.

Когда Иванъ Ивановичъ въ сто семьдесятъ седьмой разъ продолбилъ:

— Я говорю вамъ: карта Европы существенно измѣнитъ свою физиономію! —

мои нервы не выдержали, и я, едва сдерживая себя отъ желанія измѣнить его физиономію, взволнованно крикнулъ:

— Ладно! мѣняйте!!

Онъ самодовольно усмѣхнулся и, вооружившись цвѣтнымъ карандашомъ, замахнулся на всю Европу, притаившюся въ простѣнкѣ.

— До Берлина — наши владѣнія. Берлиномъ каждое союзное съ нами государство владѣетъ по очереди, въ теченіе опредѣленнаго срока. Берлинъ становится переходящимъ городомъ, подобно переходящему призовому кубку. Отсюда вотъ, — онъ провелъ жирную линію отъ западныхъ стѣнъ Берлина до Люксембурга, — территория Бельгіи...

— Вы портите карту, — замѣтилъ я.

Онъ бросилъ на меня кисло-презрительный взглядъ.

— Все равно, завтра ваша карта устарѣетъ!.. Затѣмъ, Нижнюю Германію мы отдадимъ Швейцаріи. Хорошо?

— Хорошо, — протянулъ я.

— Пожалуйста, безъ одолженій! — нервно бросилъ онъ, — я не насилю вашего мнѣнія, я спрашиваю лишь вашего согласія!

— Согласенъ!

— Ну, вотъ... Что касается... Нѣтъ, — перебилъ онъ себя, — а я вотъ не согласенъ. Я никогда не соглашусь на несправедливое рѣшеніе! Слышите? Ни-когда! Нижнюю Германію должна получить Франція. Поняли? Благородная колыбель свободы получить ее. Согласны?

— Согласенъ! — добродушно отказался я отъ прежняго мнѣнія.

Онъ испытующе поглядѣлъ на меня. Я съ честью вышелъ изъ испытанія: выдержалъ взглядъ его.

— Но я, вѣдь, справедливъ: Швейцарія за свой нейтралитетъ и за невольныя лишенія получить кусочекъ Австріи между Вѣной, Триестомъ и площадью вокругъ Инсбрука... Погодите, погодите!.. Куда мы дѣнемъ Венгрію — вотъ вопросъ!

— Отдадимъ Румыніи, — наобумъ сказалъ я.

— Румыніи?! Кукишь Румыніи, кукишь съ масломъ! Пусть ея Карлъ еще немножко повертитъ хвостомъ своей мантии! Какъ у васъ языкъ только повернулся?! Венгрію мы отдадимъ Сербіи, вмѣстѣ съ Босніей, Герцеговиной, а Албанію героической Черногоріи. Идетъ?

— Идетъ, — робко сказалъ я, не будучи твердо увѣренъ, что онъ сейчасъ наново не перекроитъ Европы.

— Восточную Австрію мы тоже себѣ оставимъ. На это у меня есть свои основанія.

— Какія? — полюбобытствовалъ я.
 — Тамъ, въ одномъ курортѣ застряли мои родственники.
 — Въ такомъ случаѣ, — ласково сказала я, — нельзя ли присоединить къ нашимъ владѣніямъ Ишль: у меня тамъ племянница застряла.

Онъ немножко замаялся:

— Видите ли, это не совсѣмъ удобно: Ишль мы, вѣдь, отдали Швейцаріи... Впрочемъ, хорошо: мы возьмемъ себѣ Ишль съ вашей племянницей и прирѣжемъ Швейцаріи Тоттзее.

— Спасибо, никогда не забуду вашей услуги, — проникновеннымъ голосомъ сказалъ я и крѣпко пожалъ его руку.

— Пожалуйста, пожалуйста, тѣмъ болѣе охотно дѣлаю это, что у меня есть резинка... Вотъ я стираю эту черту и окружаю синимъ кольцомъ Ишль и краснымъ кольцомъ Тоттзее... Между нами: швейцарцамъ что Ишль, что Тоттзее — одинъ чортъ, а вамъ ваша племянница дорога. Наконецъ, швейцарцы сами — дяди и они поймутъ ваше чувство.

Меня охватила волна великодушія.

— Знаете, — сказалъ я, — когда я заполучу свою племянницу, я охотно пойду на обратный обмѣнъ.

Онъ благодарно пожалъ мою руку и сказалъ:

— Я искренно и глубоко вѣрю, что эта война создастъ мировую гармонию, я убѣжденъ, что братство народовъ будетъ не только красивой формулой...

И тотчасъ же дѣловито замѣтилъ:

— Мы, кажется, обидѣли Англію. Впрочемъ, Англія сохранитъ нѣмецкія колоніи, которыя она забрала, и весь захваченный флотъ.

— А Голландія?

— Голландія, Голландія! Что вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, — мы должны всѣхъ надѣлять?! Какія заслуги у Голландіи?... Впрочемъ, мы не жадные: пусть берутъ голландцы Бременъ и прочую дрянъ. И Даніи дадимъ Любекъ... И Швеціи кусочекъ выкроимъ...

Изъ сосѣдней комнаты вошла няня.

— Баринъ, я вотъ тутъ сижу и слушаю, какъ вы всѣхъ землицей надѣляете... Такъ что нельзя ли и нашей деревнѣ хоть на выгонъ... А то у насъ съ помѣщикомъ нелады все изъ-за выгона...

— Хорошо, хорошо, подайте мнѣ прошеніе и двѣ гербовыхъ марки по семьдесятъ пять копеекъ, — къ моему изумленію, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Я незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты.

Не знаетъ ли кто, гдѣ теперь Иванъ Ивановичъ?

Исидоръ Гуревичъ.

ЧИТАЛИ ЛЕТУЧКУ.

— Скажите, — сколь хитро это удумано, — шрапнель: летитъ и взрывается!

— Пустое дѣло.

— А иначе?

— Для сѣраго человѣка тѣмъ паче.

— Нѣтъ?!

— Порохъ и гвозди!

— Неужели?

— Механика.

— А всячески?

— Выпалятъ и зажгутъ.

— И полетитъ?

— Сколько угодно!

— И разорвется?

— Сдѣлайте ваше одолженіе!

— А скажите, вы не изъ военныхъ будете?

— Нѣтъ, мы мукой занимаемся.

— А сколь все это вы прекрасно понимаете, что инда духъ захватываетъ!..

Евг. В.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСЕНКА.

«Скучно въ каскѣ и лампасахъ,
 Да имѣя рать,
 Все на пивѣ да колбасахъ
 Вѣкъ свой коротать!

Ахъ, обѣдъ французской кухни,
 Вина и гарниръ!..

Пообѣдаю!! Хоть рухни
 Разомъ цѣлый міръ!».

И, какъ нѣмецъ пунктуальный,
 Онъ, прищуря глазъ,
 Для трапезы триумфальной
 Вывелъ день и часъ.

Штабу сказано: «Смотри же,
 Такъ веди дѣла,
 Чтобы я гулялъ въ Парижѣ
 Эфтово числа!».

Штабъ молчитъ, не возражаетъ, —
 Шкура дорога!
 (Твердъ законъ: того желаетъ
 Кайзера нога.)

И, поднявъ горѣ десницу,
 Взоръ подъ небеса,
 Кайзеръ гордо на границу
 Двинулъ корпуса.

Долго шлялась на чужбинѣ
 Кайзерова рать,
 Все парижскія твердыни
 Мысля штурмовать.

Флаги Эйфелевой башни
 Видѣли вдали
 (На гнилой сухарь домашній
 Слюнки потекли!..)

Но хотя нога хотѣла, —
 Предъ *инымъ* умомъ
 Кайзеръ началъ неумѣло
 Отступать бочкомъ.

Вышло такъ, что швабъ коварный
 Лишь затѣмъ гулялъ
 Подъ Парижемъ, чтобъ у Марны
 Жоффръ наkostenялъ...

Кайзеръ нюхаетъ наркотикъ,
 Помня то число,
 А у бѣднаго животикъ,
 Охъ, какъ подвело!..

Donnerwetter! Какъ бельгіецъ
 Миръ со мной отвергъ?!
 Гнусно кажетъ тыль австріецъ,
 Жмется Кенигсбергъ...

Кайзеръ... съ толку сбить совсѣмъ онъ,
 Armer! Сжавъ виски,
 Шлетъ изъ Франціи на Нѣманъ
 Битые полки...

То клянется: «Францъ-Іосифъ,
 Братя мы съ тобой»,
 То несется, брата бросивъ,
 Въ Пруссію на бой.

Сломанъ строгій темпъ муштровки,
 Въ планѣ — кавардакъ,
 Какъ мышенокъ въ мышеловкѣ,
 Мечется бѣднякъ...

И чѣмъ къ гибели онъ ближе,
 Тѣмъ въ кошмарѣ бѣдъ
 Ярче грезится въ Парижѣ
 Роковой обѣдъ!..

Красный.

Рис. А. Радакова.

„Дымовая завѣса“ нѣмцевъ, сквозь которую трудно разглядѣть истину...

Б Ъ Л Ы Й.

Вотъ что пишетъ «Русское Слово», передавая отзывъ старшаго врача генеральнаго госпиталя въ Москвѣ:

«— Офицеры ничего, но прусскіе солдаты — неважный народъ. Грубые, похотливые. Сначала были напуганы, а потомъ стали озорничать. Сестры заявили мнѣ, что не могутъ ночью дежурить въ палатѣ пруссаковъ. Вольничаютъ. Пришлось освободить сестеръ отъ ночного дежурства. Фельдшера дежурятъ.»

А одна петроградская газета рассказываетъ, между прочимъ, описывая прибытіе раненныхъ:

— «Австрійскій офицеръ изъ окна вагона замѣтилъ, что его денщикъ очутился въ партіи австрійцевъ, отправляемыхъ подъ конвоемъ съ перрона на вокзалъ. Офицеръ въ полномъ недоумѣніи и начинаетъ выкрикивать:

— Aber mein Diener!... Стойте, мой слуга!

Ему даютъ понять, что, какъ военнопленныи, онъ долженъ остаться безъ денщика. Это объясненіе не удовлетворяетъ офицера, и онъ продолжаетъ настаивать на освобожденіи денщика.

Другой офицеръ спрашиваетъ санитаря, когда имъ покажутъ музеи и достопримѣчательности столицы.»

— Эге, — подумалъ я, прочитавъ всю эту исторію. — Вотъ любопытная психологическая задача. — Что это? Наглость, цинизмъ или святая простота?

Ну, прусскіе солдаты, тѣ просто скоты. А офицеры?

Люди, которые еще вчера спокойно нарѣзали кончики разрывныхъ пуль и стращали «своихъ» описаніемъ мукъ, какимъ подвергають русскіе варвары пленныхъ, — эти люди сегодня капризно требуютъ собственныхъ денщиковъ и ожидаютъ автомобилей для обозрѣнія достопримѣчательностей столицы.

Вчера колотились отъ страха при одной мысли попасть въ руки «дикарей», не мечтая даже о собачьей подстилкѣ, сегодня начинаютъ беспокоиться, будетъ ли въ квартирѣ ванна и электричество и оцѣнять ли дикари, по достоинству, честь ихъ прибытія.

Я рѣшилъ отыскать австрійскаго офицера и поговорить съ нимъ спокойно и не горячась.

* * *

— Моргенъ... — сказалъ онъ томно и привѣтливо, указывая на стулъ около кровати.

Это былъ типичный австрійскій лейтенантъ съ холоднымъ взглядомъ и выхоленными, розовыми ногтями, которые онъ машинально полировалъ обь одѣяло.

— Вы журналистъ?

— Да.

Его блѣдное лицо оживилось.

— Очень радъ, мнѣ уже давно хотѣлось проинтервьюировать русскаго журналиста. Столько впечатлѣній, столько вопросовъ... Вы разрѣшите?

Мнѣ самому хотѣлось предложить ему нѣсколько вопросовъ, но пришлось отвѣтить:

— Пожалуйста.

— Мерси, — сказалъ онъ признательно.

Онъ критически посмотрѣлъ на ногти, потомъ на меня и продолжалъ:

— Прежде всего я васъ долженъ предупредить, что я чув-

ствую къ Россіи, вѣрнѣе — почувствовать, нѣкоторую... ну, если не симпатію, то признательность, вотъ за все это.

Онъ плавнымъ жестомъ показалъ на все вокругъ себя.

— Да... Почувствовавъ эту признательность, я естественно заинтересовался ея обычаями, ея укладомъ, ея нравами. И, разумѣется, наткнулся на массу для меня новаго и непонятнаго.

— Естественно, — согласился я.

— Напримѣръ. Напримѣръ, объясните мнѣ, пожалуйста, насколько строго карается у васъ насиліе надъ бѣлымъ?

— То-есть, какъ надъ бѣлымъ?

— Насиліе со стороны туземцевъ надъ бѣлымъ, надъ европейцемъ?

— Позвольте, — обидѣлся я. — Да мы-то, сами, зеленые, что ли?

— Pardon, — извинился онъ, — вы меня не поняли. Бѣлыми я называю европейцевъ вообще, все же остальное — туземцы... Такъ вотъ я хочу спросить — очень ли боится туземное населеніе Россіи насъ, европейцевъ, или не очень?

— Да вы, кажется, имѣли случай убѣдиться, — уклончиво сказалъ я. — Вотъ, подь Львовомъ.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Такъ то на войнѣ. На войнѣ, насколько я могъ судить, страхъ передъ европейцемъ не очень великъ. Да. А вотъ здѣсь, тутъ?

— Вы знаете Камерунъ? — не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ онъ. — Есть такая африканская колонія, у нашихъ союзниковъ — нѣмцевъ, около Конго.

— Да, слышалъ.

— Такъ вотъ въ этомъ Камерунѣ негры... знаете, такое черное, двуногое, лишенное оперенія?

— Знаю, знаю.

— Туземцы, однимъ словомъ, да. Такъ вы не можете себѣ представить, до чего среди нихъ развитъ страхъ передъ европейцемъ. То-есть вы можете выдѣлывать тамъ все, ну рѣшительно все!

Онъ озабоченно поскоблилъ основаніе ногтя на мизинцѣ.

— Рѣшительно все, да. И совершенно безопасно.

— Чѣмъ же вы это объясняете? — кисло спросилъ я, не видя во всемъ этомъ прямого отношенія къ моему дѣлу.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Какъ чѣмъ?! Превосходствомъ. Инстинктивнымъ уваженіемъ и страхомъ низшаго существа передъ высшимъ, дикаря передъ европейцемъ. Да вотъ возьмемъ васъ, хотя бы...

Онъ спохватился.

— Pardon... Разумѣется, русскіе и негры не одно и то же. Русскій народъ это... это... — онъ изобразилъ на своемъ лицѣ представленіе о чемъ-то грандіозномъ и даже удивительномъ. — Русскій народъ, это... вы меня понимаете, да. Но все же, я говорю, нѣкоторую параллель — о, конечно, съ большой натяжкой, — нѣкоторую параллель можно провести.

— А именно? — спросилъ я.

— Именно?

Онъ на минуту, задумался, очевидно, желая придать своимъ мыслямъ наиболѣе пріемлемую и не обидную для меня, форму.

— Именно... гм... Ну, хорошо! Скажите мнѣ, совершенно откровенно, чѣмъ вы, — вы сами — объясняете это, непонятное для насъ, европейцевъ, ваше отношеніе къ врагамъ вашего народа — нѣмцамъ.

— Чѣмъ? — самодовольно переспросилъ я.

— Да. Нѣмцы относятся къ вамъ — вы меня извините, но это всѣмъ извѣстно, — какъ къ скоту; на полѣ битвы не останавливаются ни передъ какой гнусностью, съ мирными жителями расправляются съ подлой жестокостью — все это установлено несомнѣнно и официально. Въ частной жизни они васъ всегда презирали и презирають. А вы?

Онъ показалъ на кипу петербургскихъ газетъ.

— Мнѣ постоянно читають, что такой-то директоръ фабрики остается на своемъ посту, такой-то членъ правленія банка продолжаетъ сохранять содержаніе, въ то же самое время, когда изъ другого банка выгоняють, ради экономіи, по жребію мелкихъ туземцевъ-служащихъ. Мнѣ читають, что въ Вологдѣ, Вяткѣ и другихъ городахъ высланные нѣмцы образуютъ бомондъ, презирающій бѣдное туземное население и вздувающій цѣны на жизнь, пока вы, русскіе, сидите по тюрьмамъ и исполняете въ Германіи полевые работы, пока вашихъ больныхъ выкидываютъ изъ больницъ и курортовъ, оставляя въ уплату ихъ багажъ и платье.

— Все это преувеличеніе, — вяло сказалъ я.

— А свидѣтельства очевидцевъ? А официальные подтвержденія? А воззваніе русскихъ врачей? — набросился лейтенантъ.

— Безразлично, — отрѣзалъ я. — Если это даже и правда, наша терпимость доказываетъ только нашу культурность.

Онъ постарался удержать улыбку.

— Культурность? Мы, европейцы, называемъ это иначе: недостаткомъ національного самолюбія и темперамента.

— Позвольте, — возмутился я. — То, что русскій солдатъ дѣлится съ врагомъ послѣднимъ сухаремъ...

— Pardon, — мягко перебилъ онъ. — Я не про солдата говорю. Вашъ солдатъ дѣйствительно представляетъ образецъ настоящей, инстинктивной культуры воина. Передъ нимъ я и преклоняюсь.

Онъ даже привсталъ съ подушки.

— Ага, — сказалъ я.

— Ничего не ага. То, что прекрасно со стороны солдата на полѣ битвы, можетъ быть граждански-постыднымъ съ вашей стороны — здѣсь, Солдатъ, протягивающій свой послѣдній кусокъ изголодавшемуся, ослабѣвшему врагу, — прекрасенъ. И прекрасенъ за собственный счетъ, за счетъ пролитой имъ крови. А ваше прекраснодушіе къ оставшимся среди васъ сытымъ нѣмцамъ за чей счетъ? Все за тотъ же?

Онъ презрительно засмѣялся.

— Однако, не бить же ихъ, чортъ возьми! — воспользовавшись предыдущей, воскликнулъ я.

— Я не предлагаю никого бить, — сухо отвѣтилъ онъ. — Вся физическая расправа должна начинаться и кончаться на полѣ битвы.

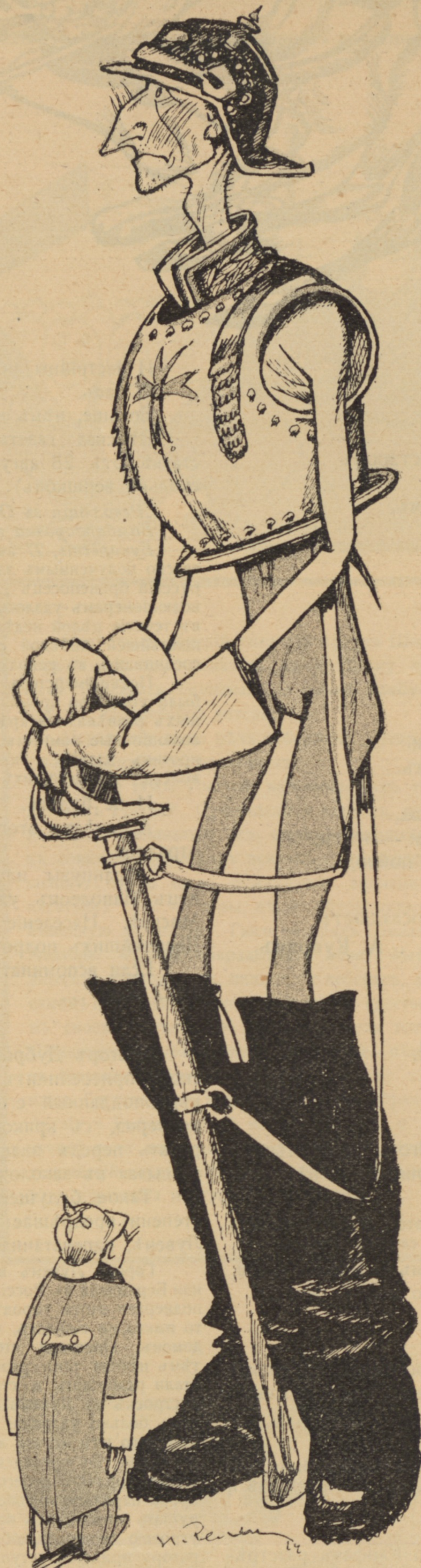
Онъ убѣжденно качнулъ головой.

— Не надо бить. Надо только удалять немедленно и отовсюду. И даже не удалять, а просить — просить честью, какъ выражаетесь вы, русскіе. Пожили — и довольно. Есть въ исторіи моменты, когда нація имѣетъ право остаться въ своемъ домѣ одна. Всѣ чужіе должны удалиться, или если они не понимаютъ, то быть удаленными.

— Быть удаленными? — Я пожалъ плечами. — Ну, хорошо — быть удаленными. А если, представьте, среди нихъ найдутся люди, которые не виноваты?

— Если... представьте... найдутся... невиноваты, — скорбно повторилъ онъ. — Ужасно. То, что вы говорите —

Рис. Ре-ми.

ОБЪЩАННАГО ТРИ ГОДА ЖДУТЬ.

— Ваше величество! Что это вы такъ похуѣли?!..

Вильгельмъ: — Да вотъ, все дождаюсь, когда можно будетъ пообѣдать въ Парижѣ!!..

— Да? — скептически улыбнулся я.

— Да. Колоній у нихъ больше не будетъ, а другіе, бѣлые ихъ къ себѣ не пустятъ. О-о... У бѣлыхъ нѣтъ такого прекраснодушія и такъ много лишней крови, какъ у туземцевъ. Нѣтъ.

Чудакъ!

ужасно. Сотни тысячъ вашихъ братьевъ истекають сейчасъ кровью, оставаясь совершенно не виноватыми въ бойнѣ, на которую они были вызваны, а вы... мучаетесь — какъ бы не обидѣть напрасно одного-другого здѣшняго нѣмца, заткнувъ, наконецъ, давній и обильный источникъ его благополучія.

Онъ помолчалъ.

— Да, удивительно, удивительно, какъ дешево цѣнить свою кровь туземцы. Мы, бѣлые, на это не способны. Нѣтъ!

Потомъ прибавилъ, пристально глядя мнѣ въ глаза:

— А скажите, вамъ не приходила въ голову мысль, что вотъ, когда кончится война, и частью уцѣлѣвшіе, а частью полумискалѣченные люди снова займутъ свои мѣста на фабрикахъ, въ банкахъ и заводахъ, подъ начальствомъ все тѣхъ же нѣмцевъ, они васъ спросятъ: «Господа! Неужели, пока мы умирали подъ нѣмецкими пулями, у васъ не хватило гражданского мужества, силъ и времени, чтобы избавить насъ отъ стыда снова подставить уцѣлѣвшія головы подъ ярмо нѣмецкаго хозяина? Хозяина-врага, который вѣчно смотрѣлъ и будетъ смотрѣть на насъ, какъ на вьючный скотъ, какъ на раба и хама? Неужели, вы не могли и этого сдѣлать — заплатить имъ, что нужно, по счету и выдворить? Что же вы дѣлали?» — Блюли свои прекрасныя души, — скажете вы.

Онъ слабо усмѣхнулся и, утомленный, опустился на подушку.

— Не будемъ спорить, — мягко попросилъ я. — Мы другъ друга не поймемъ.

Его глаза слабо вспыхнули.

— Неправда! Вы меня понимаете. Это что?

Онъ протянулъ мнѣ газету и указалъ пальцемъ мѣсто.

— «Ненависть была единственнымъ чувствомъ, котораго намъ не доставало, чтобы стать истинной націей, — такъ писалъ недавно бельгіецъ Роландъ де-Маресь, въ своемъ прекрасномъ обращеніи къ французамъ».

— Ну, такъ что же? — спросилъ я.

Онъ многозначительно улыбнулся.

— То, что вы сами называете это обращеніе прекраснымъ.

Странный австріецъ! Что можно было ему сказать?

Я сталъ прощаться.

Онъ въ послѣдній разъ провелъ своими длинными, блестящими ногтями по одѣялу, пожалъ мою руку и серьезно сказалъ:

— Хотите знать мое мнѣніе? Настоящее нашествіе нѣмцевъ на Россію еще только начнется: послѣ войны.

Георгій Ландау.

ДВОРЦОВАЯ ЛЕГЕНДА.

(Изъ Гейне¹.)

Есть въ Берлинѣ, въ замкѣ старомъ
Группа въ мраморѣ одна:
Съ жеребцомъ, пылая жаромъ,
Пала нѣкая жена.

Говорятъ, что эта дама
Забрюхатѣла, и, вотъ,
Возвеличился изъ срама
Гогенцоллерновъ приплодъ.

Лошадиный прародитель
Оказался молодцомъ:
Каждый прусскій повелитель
Такъ и смотритъ жеребцомъ.

Рѣчи ихъ текутъ изъ стойла,
Смѣхъ ихъ — ржанье, мысли — нѣтъ,
Вся ихъ жизнь — жранье и пойло,
Человѣка — вымеръ слѣдъ.

Перевелъ и переводъ Ф. Ф. Фидлеру посвящаетъ

А. Купринъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Мы.

Если заглавіе этого отдѣла „Волчьи Ягоды“ и примѣнимо въ данномъ случаѣ, то только — по отношенію къ нѣмцамъ: Англійскій „Times“ пишетъ о Россіи:

„Россія уже совершила чудеса въ теченіе этой войны и оказала доблестную, ни съ чѣмъ несравнимую помощь своимъ союзникамъ“.

Насколько иногда тяжело быть русскимъ въ мирное время, настолько въ дни войны мы счастливы, что мы — русскіе.

Прочность.

Секретъ безсмертія, надъ открытіемъ котораго трудились многіе псевдо- и просто ученые, легко открыть младочешскимъ дѣятелемъ Клофачемъ.

Изъ Базеля сообщаютъ:

извѣстный младочешскій политическій дѣятель Клофачъ былъ арестованъ въ Вѣнѣ и затѣмъ въ автомобилѣ отвезенъ въ Прагу, гдѣ и содержится.

Это послѣднее сообщеніе.

А до этого два раза сообщалось, что Клофачъ разстрѣлянъ и одинъ разъ сообщалось, что Клофачъ задушенъ въ тюрьмѣ.

Если этимъ кончается — это плохо; но если съ этого человѣкъ началъ — долго онъ проживетъ при такой выносливости организма.

Освѣдомленные.

Мы, русскіе, живемъ, какъ въ лѣсу... ничего-то мы не знаемъ.

А нѣмцы знаютъ.

¹ NB. Стихотвореніе это, написанное между 1839—1846 годами, находится въ циклѣ „Современныя стихотворенія“ (Zeitgedichte), озаглавлено „Schlosslegende“ и на русскомъ языкѣ появляется впервые.

А. К.

И австрійцы знаютъ.

О насъ.

Больше, чѣмъ мы сами.

Вѣнскаа газета „Neues Wiener Journal“ сообщаетъ въ статьѣ отъ 28 августа (напечатано буквами высотой въ нѣсколько вершковъ):

„Революція въ Одессѣ“.

Бомбардировка города русскимъ военнымъ судномъ.

Букарестъ, 27 августа. (Отъ собственнаго корреспондента.) Согласно полученнымъ здѣшнимъ русскимъ посольствомъ сообщеніямъ, русскій броненосецъ „Пантелеймонъ“ бомбардируетъ Одессу, гдѣ революціонерамъ удалось захватить въ свои руки власть. Происходившія въ теченіе цѣлой недѣли на улицахъ кровавыя сраженія закончились полнѣйшей побѣдой революціи. Войска, перебивъ офицеровъ, присоединились къ революціи.

Полиціймейстеръ, равно какъ и шефъ жандармовъ и пристава были убиты во время штурма тюрьмы. На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ развѣваются красные флаги; въ зданіяхъ этихъ засѣдаютъ революціонные комитеты. Бомбардировка направлена преимущественно противъ зданій и казармъ, въ которыхъ находятся революціонныя войска. Дальнѣйшихъ подробностей бомбардировки пока нѣтъ.

И не будетъ.

А, вмѣсто этого, появится другое сообщеніе, столь же отрадное:

„Французы идутъ войной на русскихъ. Ихъ полководецъ Наполеонъ уже прошелъ Смоленскъ и подходитъ къ Москвѣ. Населеніе въ паникѣ разбѣгается; Москва горитъ. Дальнѣйшихъ подробностей пока нѣтъ“.

Если вспоминать 1905 годъ, то почему не вспомнить и 1812 года?...

Фонъ-Дубровинъ.

Докторъ Дубровинъ изъ „Русскаго Знамени“, вѣроятно, скоро присоединитъ къ своему имени титулъ „фонъ“ и, какъ вѣрноподанный его величества императора Германіи Гогенцоллерна, съ крикомъ „hoch!“ пойдетъ одиноко манифестировать передъ зданіемъ германскаго посольства, тщетно заглядывая въ заколоченныя окна.

Такое будущее доктора фонъ-Дубровина до извѣстной степени предрѣшаетъ статья доктора о бельгійскомъ городѣ Лувенѣ, напечатанная въ „Русскомъ(??!!) Знамени(??!!)“

Городъ Лувенъ въ Бельгіи чисто жидовскій, въ родѣ Шклова или Бердичева въ Россіи, — заявляетъ „Русское Знамя“. — Когда нѣмцы подвергли этотъ городъ экзекуціи за стрѣльбу изъ домовъ въ войска, то никто не ожидалъ, чтобы нѣмцы довели экзекуцію до разрушенія домовъ. Полагали, что перестрѣляютъ только людей (sic!). Между тѣмъ нѣмцы такъ разсердились (!) за провокаціонное нападеніе, что стали разрушать и строенія. Такъ какъ подавляющее большинство построекъ въ Лувенѣ принадлежитъ жидамъ, то экзекуція надъ городомъ больно ударила ихъ по карману. Вотъ это обстоятельство и побудило ихъ искать защиты противъ слишкомъ уже крутой расправы нѣмцевъ. Въ президентѣ Вильсонѣ бельгійскіе жиды нашли, конечно, самага горячаго своего сторонника, такъ какъ и въ его жилахъ течетъ кровь паразитнаго племени. Отсюда народилось требованіе не разрушать жидовскихъ построекъ ни въ Брюсселѣ, ни въ Парижѣ подъ угрозой перерыва добрыхъ отношеній. Вѣроятно, германскому императору придется уступить жидовскому кагалу и отказаться отъ своей первоначальной мысли разрушить укрѣпленія Парижа, когда начнется его осада, съ помощью ценилиновъ, которыхъ отъ 17 стало нынѣ уже 32. Каждый изъ нихъ несетъ съ собою полезнаго груза до 100 пудовъ. Можно себѣ представить, какой поднимется грохотъ, если даже половина воздушныхъ кораблей займется сбрасываніемъ на осажденный Парижъ динамита сверху.

Послѣ такой статьи нужно сдѣлать одно: тщательно выяснитъ подданство фонъ-Дубровина и затѣмъ отправить его въ Вятку вмѣстѣ съ другими компатріотами...

Трофеи.

Артистка З. Холмская рассказываетъ о своемъ пребываніи въ Берлинѣ:

Однажды я увидѣла огромную толпу, столпившуюся вокругъ солдатъ.

Г Е Р О Й .

Нѣмцы вписали въ исторію познанія только двусмысленныя имена, они всегда производили только „безсознательных“ фальшивомонетчиковъ; они никогда не дождутся чести, чтобы первый правдивый умъ въ исторіи мысли, умъ, въ которомъ истина произноситъ свой судъ надъ поддѣлкой монетъ въ теченіе четырехъ тысячелѣтій, отождествленъ былъ съ нѣмецкимъ духомъ. „Нѣмецкій духъ“ это — мой дурной воздухъ: я съ трудомъ дышу въ этой ставшей инстинктомъ нечистоплотности въ духовности; эту нечистоплотность выдаетъ каждое слово, каждая мина нѣмца.

Ницше (Ессе Ното.)

Вообще нѣмцы раздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ; всѣ они немного различаются между собою. Классъ скотовъ — самый значительный.

Г. Гейне (Путевыя картинки.)

Рис. А. Радакова.

Я, Шницлеръ, — мысли исполнишь,
Всѣмъ объявляю, — Славянинъ
И бриттъ и галль предъ нѣмцемъ пасъ,
Есть только нѣмецъ... да-съ, да-съ,
да-а-а-ссъ!

Извѣстный вѣнскій писатель Артуръ Шницлеръ поспѣшилъ примкнуть къ нелѣпому призыву Гергардта Гауптмана и также требуетъ бойкота европейской литературы.

Пересыпая свою рѣчь отборными ругательствами, Шницлеръ восклицалъ:

— Что такое Толстой, которымъ такъ гордятся въ Россіи? Сумасшедшій старикъ, ненавистникъ цивилизаціи, всю жизнь призывавшій къ вонючей жизни безъ всякихъ благъ просвѣщенія!.. Что такое французскіе знаменитые писатели? Это — воры, вѣчно обкрадывающіе нѣмецкую литературу. Гюго обокралъ Шиллера, Анатоль Франсъ обкрадываетъ меня! Метерлинкъ — проходимецъ, пишущій о небесахъ, а на самомъ дѣлѣ жестоко эксплуатирующій крестьянъ въ своемъ имѣніи. У англичанъ есть только Шекспиръ, котораго, впрочемъ, мы же, нѣмцы, къ сожалѣнію, сами раздули. А между тѣмъ нашъ Гауптманъ — выше Шекспира!! Франція, Англія и Россія, вмѣстѣ взятыя, не дали и тысячной доли того, что дали нѣмецкія страны, творческій духъ которыхъ полонъ возвышеннаго идеализма и бессмертной красоты.

Кто Левъ Толстой?! — Босьякъ,
дикарь!
Клопъ милъ ему, какъ намъ
алтарь!

Ну, а Гюго, французовъ богъ?!
У Шиллера сей богъ, что могъ,
Укралъ — и, ясно, сталъ великъ
Свинообразный сей старикъ.

А жалкій Анатолька Франсъ?!
Отъ вдохновенья впавши въ трансъ,
Я разъ творилъ, а оный галль
Все подсмотрѣлъ и все укралъ!

А Метерлинкъ, предъ коимъ ницъ
Лежатъ бельгійцы? — Синихъ птицъ,
Давно индюшкамъ предпочель.
Какъ кроть, онъ глупъ, какъ тигръ, онъ золь.

Вдругъ крикъ раздался: „Брось свой пылъ!
(То Гейне былъ, то Ницше былъ!)
Забывъ ты, что за аттестатъ
Дать фатерланду былъ я радъ?!..“

— Носч! Носч! — кричала толпа и болѣе тѣснымъ кольцомъ обступала солдатъ.

Причина восторговъ толпы скоро открылась: одинъ изъ солдатъ держалъ въ рукѣ красныя брюки французскаго кавалериста въ качествѣ побѣднаго трофея, и это заставляло толпу прыгать отъ удовольствія.

Много ли нѣмцу нужно?

Покажешь ему, бѣднягѣ, красныя штаны — онъ и радъ.

Потому — что хорошаго нѣмецъ въ своей жизни теперь видитъ?

Какъ пополняются австрійскіе музеи.

А способъ доставанія нѣмцами костюмныхъ трофеевъ немного раскрывается слѣдующимъ сообщеніемъ:

Въ Москву привезены два раненыхъ казака, съ которыми произошла слѣдующій случай. Оба казака были ранеными взяты въ плѣнъ у деревни Дубъ, близъ Замостья. Австрійцы съ раненыхъ сняли одежду съ тѣмъ, чтобы отправить ее, какъ трофей, императору Францу Юсифу. Послѣ того какъ казаковъ раздѣли, имъ удалось убѣжать голыми.

Если Францъ-Юсифъ вообще стремится къ подобнымъ трофеямъ, то любой громила съ Горячаго поля, раздѣвающей прохожихъ, можетъ одинъ составить неприхотливому старику цѣлый музей трофеевъ.

Сильно комическая.

„Куръ. Рог.“ сообщаетъ слѣдующія чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о пребываніи нѣмцевъ въ Конинѣ (Кѣл. губ.)

Вѣхавъ въ городъ, лейтенантъ потребовалъ, чтобы ему было доставлено 200 штукъ карманныхъ часовъ, 200 будильниковъ и 228 полушубковъ, при чемъ за каждый полушубокъ, котораго будетъ недоставать до указанной цифры, жители Конина обязаны будутъ уплатить по 100 марокъ.

Когда жулики дѣйствуютъ въ розницу, поодиночкѣ, они такъ и грабятъ: 1 часы, 1 будильникъ, 1 полушубокъ... Жулики же, сорганизованные въ цѣлую армію, грабятъ оптомъ — всего по 200 штукъ.

Но — дальше.

Отдавъ это распоряженіе, фонъ-Лауницъ распорядился, чтобы былъ приготовленъ завтракъ для него (на закуску должны были быть поданы коньякъ и два фунта икры) и для солдатъ (безъ икры).

Такъ какъ по винѣ города нельзя было достать икры, то лейтенантъ великодушно отъ нея отказался.

Послѣ завтрака на городской площади устроенъ былъ „парадъ“, состоявшій въ томъ, что лейтенантъ гарцовалъ на конѣ передъ солдатами, стоявшими съ заряженными ружьями въ рукахъ, а население кланялось лейтенанту въ ноги.

Наше мнѣніе: для того, чтобы на будущее время население не обременялось такими принудительными работами, какъ поклоны лейтенанту въ ноги, — есть выходъ: отрѣзать лейтенанту ноги. Чтобы не во что было кланяться.

Но — дальше.

Во время этого зрѣлища къ городу стало приближаться похоронное шествіе. Нѣмцы, подумавъ, что это идутъ русскіе, бросились бѣжать и задержались лишь въ мѣстечкѣ Галинѣ, гдѣ сейчасъ же стали грабить населеніе.

Дѣйствительно дѣло такое, ради котораго можно пожертвовать и страхомъ передъ похоронной процессіей.

Но — дальше.

Когда значительная часть мѣстнаго имущества уже была нагружена на возы, на дорогѣ показалось облако пыли. Нѣмцы оставили награбленное имущество и бросились бѣжать. Когда облако пыли разсѣялось, за нимъ оказалось... стадо быковъ.

Каждый сельскій хозяинъ, вѣроятно, имѣлъ возможность вынести наблюденіе, что свинья передъ быкомъ всегда спасуетъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Гдѣ-то миллионная армія сражается съ другой миллионной арміей. Гдѣ-то кровь и побѣды. Нѣтъ уголка въ Европѣ, если не во всемъ мірѣ, который бы не жилъ интересами мирового пожара, а журналъ „Полночь“, выходящій въ Петроградѣ, въ специальномъ военномъ №, пытается разрѣшить такую назрѣвшую проблему:

— „Толстушки — не въ модѣ!

Какъ же похудѣть?

— „Душечка, какъ вы похудѣли? Что вы принимаете?“

— „Боже мой! Я прибавилась въ вѣсъ на цѣлыхъ десять фунтовъ!..“

— А вы знаете, — она очень хорошенькая, но только слишкомъ полна!“

— „Это платье вамъ бы очень пошло, если бы вы не были такъ полны!“

— Ну, что вы, — она такъ пополнѣла, подурнѣла“ ...

Такія и въ этомъ родѣ фразы каждому приходится слышать.

Если каждому приходится слышать только такія фразы, то редакция „Полночи“ не мѣшало бы послушать фразы другого характера — болѣе рѣшительныя и мало удобныя для печати.

*

Если свойство войны — родитъ героевъ, то народженіе во время войны безграмотности — одна изъ самыхъ отвратительныхъ ужасныхъ сторонъ войны.

Цитата изъ „Отраженій“ въ „Соврем. Словѣ“ (26 Авг. № 2377.
„... Черезъ минуту со стороны видишь десятки спиць въ

Рис. Ре-ми.

ПОХОДНАЯ КАРТА НѢМЕЦКАГО ШТАБА.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

(Изъ французскихъ журналовъ.)

ДОБРЫЙ УРОЖАЙ.

— Никогда французское поле такъ хорошо не колосилось, какъ въ этомъ году.

ЛЕТУЧАЯ ФАМИЛІЯ.

Вильгельмъ: — Еще одна такая катастрофа съ цеппелинами — и Цеппелинъ, дѣйствительно, полетитъ... со своей должности!!

пиджакахъ всевозможныхъ покровъ и достоинствъ, десятки вытянутыхъ (?) въ одномъ направленіи глазъ, лысыхъ и волосатыхъ, съдыхъ и черныхъ.

Черные глаза — это возможно. Но лысые глаза, волосатые глаза, съдые глаза — едва ли такая образность допустима.

Не нужно редактору закрывать на это своихъ волосатыхъ глазъ.

*

Въ Грозномъ издаются двѣ газеты „Грозненскія Новости“ и „Сѣверъ Кавказа“

Очевидно, суровое названіе города имѣетъ вліяніе также и на тонъ издающихся въ Грозномъ газетъ.

Стиль „Сѣвера Кавказа“ таковъ:

„Досель чувство весьма понятной брезгливости побуждало меня не замѣчать развязности, съ которой „молодцы“ изъ „Грозн. Нов.“ поднимаютъ возлѣ каждой тротуарной тумбы заднюю ногу и льпятъ для себя и публики конфетки изъ веществъ, вывозъ которыхъ до наступленія ночи воспрещается.“

Они нарисовали зеленой краской карту театра военныхъ дѣйствій на желтой пеленкѣ, а кормилица ихъ сдѣлала надпись:

„Ни въ одной изъ столичныхъ газетъ послѣдняго выпуска

подобнаго сообщенія не имѣется, слѣдовательно оно можетъ быть передано только по телеграфу.“

Бѣдныя дѣти!

Всыпать бы вамъ хорошую порцію ревеня, а еще лучше касторки отъ... неваренія (?) мозговъ!.

Плоха была бы наша редакціонная организація, если бы не только пачкуны пеленокъ, но даже и германскіе шпіоны открыли корни и нити, по которымъ мы получамъ свѣдѣнія.“

Въ заключеніе авторъ этихъ героическихъ строкъ съ надеждой заканчиваетъ:

„А что касается выраженія „собутельникъ“, которое при- мѣнила ко мнѣ редакція „Грозн.-Нов.“ вмѣсто слова „сотрудникъ“, я думаю, что это оговорка.“

Ой, нѣтъ! Думается намъ — не оговорка это...

Интересно, печатается ли въ объявленіи о подпискѣ на газету составъ ея собутельниковъ или нѣтъ?

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СКОБЕЛЕВСКОЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитриевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine française et italienne.

Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА
ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ,
ВЪ СУЩНОСТИ,
ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ
разказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ.
РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ разказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.
„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешева библіотека
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

РЕПЕТИЦІЯ.

Вильгельмъ: — На всякій случай прорепетируемъ позу номеръ семьсотъ третій: Наполеонъ на островъ Святой Елены.